

18+

Алена Жиганова

Снег под кожей

Алена Жиганова

Снег под кожей

<https://litres.ru/74148049>

ISBN 9785006996410

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Снег под кожей — мрачный северный детектив о боли, вине и правде, которая слишком долго жила под замком.

Это роман о людях, которых снег не очищает, а только делает их следы заметнее. О двух сёстрах, выбравших разные способы выжить. О мужчине, который слишком хорошо знает цену насилию. И о следователе, понимающем: иногда исчезновение человека — лишь верхний слой куда более старой и страшной истории.

Содержание

Глава 1	6
Ночь стекла	6
Глава 2	13
Сёльвик под снегом	13
Глава 3	21
Девушка из неона	21
Глава 4	28
Ошибка в темноте	28
Глава 5	35
То, что не говорят	35
Глава 6	42
Лев	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Снег под кожей

Алена Жиганова

© Алена Жиганова, 2026

ISBN 978-5-0069-9641-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Снег под кожей

Оригинальный мрачный детектив в духе северного нуара

Глава 1

Ночь стекла

До той ночи у Льва было несколько правил, которые он сам себе не формулировал, но соблюдал так же строго, как другие дети соблюдают домашние задания. Не шуметь, когда мать спит днём. Не выходить на кухню, если в прихожей стоит больше двух чужих пар ботинок. Не смотреть мужчинам в глаза, если они улыбаются слишком долго. И главное — помнить отца не таким, каким его унесли, а таким, каким он ещё умел быть: трезвым, высоким, пахнущим холодным воздухом и машинным маслом.

Отец, Алексей Харин, умер полгода назад на зимней дороге между портом и городом. Формально — несчастный случай. Фура, гололёд, тормозной путь длиннее человеческой надежды. Для Оксаны Хариной это стало последней трещиной. До того она ещё старалась держаться: работала в аптеке, иногда смеялась, даже пекла по воскресеньям тонкие блины, которые рвались на сковороде, но всё равно казались праздничной едой.

После похорон квартира начала жить по законам, в которых праздник был не нужен. Бутылки на подоконнике появлялись быстрее, чем хлеб. День и ночь менялись местами.

Мужчины приходили без имён и уходили без лиц. Лев всё ещё искал в доме следы прежней жизни. Отцовские перчатки в кладовке. Полбанки гвоздей на балконе. Поломанный складной нож на тумбочке — тот самый, который Алексей однажды дал сыну просто поддержать, а потом сказал: «Нож сам по себе ничего не решает. Решает рука и то, зачем ты её поднимаешь». Тогда Лев не понял, зачем взрослые говорят вещи, которые начинают значить что-то только после катастрофы.

Вечером накануне снега мать была почти нежной. Сидела на кухне в жёлтом свете лампы, курила и вдруг спросила:

— Ты помнишь море летом?

Лев кивнул. Они однажды ездили с отцом на косу, ели холодные котлеты из контейнера и смотрели, как ветер рвёт воду на мелкие серебристые складки.

— Хорошо было, — сказала мать и неожиданно улыбнулась. — Пока всё не стало... таким.

Она не договорила. Телефон завибрировал на столе. На экране высветилось короткое мужское имя. Оксана сразу изменилась в лице, загасила сигарету о блюдце и ушла краситься в ванную. Через сорок минут в квартире уже пахло духами, перегаром и дешёвым освежителем воздуха. Один из мужчин принёс

бутылку виски и пакет с мандаринами, будто это был семейный визит.

Лев запомнил именно мандарины. Они лежали на столе

в пакете-сетке, яркие, почти праздничные, как издевательство.

В ту ночь снег шёл так тихо, будто боялся разбудить город. Лев проснулся не от шума. Шум в их квартире был делом привычным: скрип дивана, звон бутылок, чужой хохот за тонкой стеной, материн кашель, который по утрам звучал так, словно изнутри её кто-то рвал ржавыми крючьями. Его разбудило другое — чужое дыхание слишком близко к лицу. Он открыл глаза и увидел мужчину. Тот сидел на краю его кровати, наклонившись так, что Лев почувствовал сладковатый запах дешёвого виски и табака. — Тише, — прошептал мужчина. — Мать занята. Лев не ответил. На тумбочке стояла пустая чашка, под ней лежал отцовский складной нож без лезвия — сломанный, бесполезный. На полу блестела бутылка. Мужчина поднял её раньше, чем Лев успел пошевелиться, усмехнулся и провёл пальцем по его щеке. Страх пришёл не сразу. Сначала было оцепенение. Потом — ясность. Лев рванулся в сторону, ударился плечом о стену, схватил бутылку за горлышко и ударил мужчину снизу вверх, как когда-то видел в драке у подъезда. Стекло треснуло, мужчина завалился назад, хватаясь за лицо. Лев не стал смотреть, сколько там крови. Он выскочил в коридор босиком.

В комнате матери горела настольная лампа, давая тёплый жёлтый круг света, который делал всё вокруг ещё грязнее. На полу валялась кофточка, рядом — ремень, игла, ложка с чёрным налётом. Оксана Харина лежала поперёк кровати,

голова запрокинута, в руке — шприц. Глаза были приоткрыты, но Лев сразу понял, что она его не видит. — Мам, — сказал он, и голос прозвучал чужим. — Мам. Второй мужчина стоял у кровати и торопливо натягивал штаны. Он обернулся, увидел мальчика и сначала даже не разозлился — только удивился.

— Вот чёрт. Потом он шагнул к нему. Лев попятился. Спиной нащупал комод. Верхний ящик заедал всегда, но он знал, что внутри, под старой отцовской рубашкой, лежит пистолет. Отец умер полгода назад, и с тех пор мать ни разу не открывала этот ящик — будто сам факт его существования напоминал ей, что был в этой квартире человек, который когда-то пытался держать стены прямо. Мужчина сделал ещё шаг. — Иди сюда, пацан. Никто тебя не тронет. Это была ложь, и Лев понял это по голосу. Ящик вышел с хрипом. Холодный металл оказался тяжелее, чем он помнил. Руки затряслись. — Положи, — сказал мужчина уже совсем другим тоном. — Слышишь? Положи. Лев нажал на спуск. Грохот разорвал комнату. Мужчина пошатнулся, будто споткнулся о невидимую ступень, и сел на пол. Лев выстрелил ещё раз. Потом услышал, как сзади, в коридоре, застонал первый.

Он обернулся и увидел его в дверях — лицо в крови, одна рука на стене, другая тянется вперёд. Выстрел прозвучал тише, чем первый, словно квартира уже привыкла к этой ночи. Потом всё замерло. Лев стоял с пистолетом, в нос бил запах пороха и сладкого перегара, а снег за окном продолжал идти

— ровный, медленный, безжалостный.

Он подошёл к кровати и снова позвал мать. Потрогал её за руку. Кожа уже была влажной и холодной. На лестнице кто-то захлопнул дверь. Где-то во дворе залаяла собака. Мир не изменился. Изменился только он. Когда приехала полиция, соседка в халате шептала на кухне: «Бедный ребёнок, бедный ребёнок». Никто не знал, что бедность бывает разной. Иногда это отсутствие денег. Иногда — отсутствие выбора. Следовательно, усталый мужчина с красными глазами, сел перед ним на корточки и спросил:

— Как тебя зовут?

— Лев.

— Ты понимаешь, что произошло?

Лев посмотрел мимо него — туда, где дверь в комнату матери была прикрыта белой простынёй, как будто стыд можно было накрыть тканью.

— Да, — сказал он. Но это было неправдой. Понимание пришло позже. Через годы. Вместе с бессонницей, привычкой сидеть спиной к стене и знанием, что иногда человек умирает задолго до того, как перестаёт дышать.

До рассвета мальчика держали на кухне у соседки этажом ниже. Ему дали одеяло, слишком прозрачную жидкость, чтобы называть её чаем, и старую вафлю, которая пахла шкафом. Он слышал по лестнице тяжёлые шаги, короткие команды, один раз — звук, будто передвинули что-то массивное. Мир продолжал работать в своём деловом режиме: кто-

то курил на площадке, кто-то ругался из-за мокрого коврика у двери, где-то заплакал младенец. Только Лев сидел так неподвижно, будто любой его жест мог вернуть всю ночь обратно.

Ближе к утру к нему пришёл следователь — тот самый усталый мужчина с красными глазами. На удостоверении значилось: Элиас Нюстрём. Он не стал разговаривать с ребёнком так, как взрослые обычно разговаривают с детьми после беды, — слишком мягко, слишком фальшиво. Он опустился на стул напротив и спросил ровным голосом:

— Ты голоден?

Лев пожал плечами.

— Это значит да или нет?

— Не знаю.

Нюстрём кивнул, будто это был честный и полезный ответ.

— Мне нужно записать, что здесь произошло. Но сначала ты должен понять одну вещь. Ты жив. Это не случайно. Ты защищался.

Лев посмотрел на свои руки. Под ногтями темнела засохшая кровь. Тогда он впервые заплакал — не громко, почти беззвучно, как ломается лёд под ногой, когда ещё не успел провалиться. Элиас дал ему носовой платок и не тронул, пока мальчик не успокоился. Потом задал вопросы: где лежал пистолет, сколько было мужчин, как звали мать, когда умер отец. Имя отца следователь повторил дважды, словно пытал-

ся проверить память не ребёнка, а свою собственную.

— Алексей Харин? — переспросил он. — Ты уверен?

Лев кивнул.

В глазах следователя на секунду мелькнуло что-то, похожее на удар из прошлого. Он быстро взял себя в руки, закрыл блокнот и встал.

— Сегодня тебя отвезут не в приют, — сказал он. — У меня есть один человек в Сёльвике. Он должен мне старый долг. Там ты побудешь, пока мы разберёмся.

— Я не хочу никуда, — прошептал Лев.

— Это нормально. Но иногда человек едет не туда, куда хочет, а туда, где его ещё можно сохранить. Через час Льва увезли из города. На заднем сиденье служебной машины он прижимал к груди свёрток с отцовской рубашкой и тем самым сломанным ножом без лезвия. Когда серый двор исчез за поворотом, мальчик понял, что детство может закончиться не в день рождения и не в школе. Оно заканчивается там, где после тебя остаётся слишком много тишины.

Глава 2

Сёльвик под снегом

Сёльвик спасал людей не добротой, а занятостью. В этом городе было слишком холодно для красивых жестов и слишком мало места для тех, кто хотел долго жалеть себя. Юрген, бывший механик рыболовного траулера, взял Льва в мастерскую сначала на неделю, потом на месяц, потом просто перестал считать. Мальчишка мыл детали, тянул ключи, учился различать звуки двигателя так, как другие различают интонации в голосах. Когда у него дрожали руки, Юрген не спрашивал почему. Когда он не спал ночами, Юрген делал вид, что у подростков вообще странные отношения со сном.

К двадцати двум Лев уже знал почти все лодки, которые зимовали в старом доке, и почти всех людей, которые приносили ему на починку то, что сами давно не умели чинить: моторы, петли, обогреватели, иногда собственные судьбы. Он не любил разговоры, но умел слушать. В северных городах это быстро принимают за порядочность.

Еву Лунд он встретил в ноябре у церковной столовой, куда Юрген привёз старую морозильную камеру для ремонта. Лев поднял глаза, увидел девушку в сером пальто, которая пыталась удержать дверь коленом и одновременно не уро-

нить коробку с суповыми наборами, и первое, что подумал, было не романтическим:

«Она сейчас уронит всё». Он шагнул, перехватил коробку, получил короткое «спасибо» и заметил на её рукаве муку. Потом оказалось, что мука у неё бывает почти всегда: Ева пекла хлеб для приходского буфета, пела в хоре и училась так усердно, будто знала цену каждому спокойному дню.

Именно Ева первой сказала ему, что молчание не делает человека загадочным. Иногда оно делает его просто одиноким. Она сказала это без упрёка, за чаем из слишком крепкого пакетика, когда они сидели на ступенях склада и смотрели, как снег медленно закрывает ржавчину на ограде.

— А если мне так проще? — спросил Лев.

— Тогда я не буду мешать. Но буду приходить, чтобы посидеть молча рядом.

Он не ответил. Просто запомнил. Некоторые фразы живут в человеке как дополнительные рёбра — не видны, но держат.

Через десять лет Лев научился жить так, будто прошлое — это не шрам, а старая кость, которая ноет только на холоде.

Город назывался Сёльвик. Зимой он выглядел как место, которое кто-то не успел дорисовать: портовые краны, серые дома, низкое небо, под которым дым из труб висел так низко, что казалось — если вытянуть руку, можно оставить на нём след пальцем. В мастерской при старом доке пахло ме-

таллом, солёной водой и маслом. Лев любил этот запах. В нём не было памяти.

Он правил замок на дверце фургона, когда в проёме появился хозяин мастерской, Юрген, широкий, краснолицый, с вечной кружкой кофе.

— К тебе пришли.

— Кто?

Юрген пожал плечами.

— Та, ради которой ты внезапно стал мыть руки перед обедом. Лев вытер ладони о ветошь и вышел на улицу. Ева Лунд стояла у ворот в тёмном пальто, шарф был поднят до подбородка, и только глаза — светлые, сосредоточенные — выдавали, что она улыбается. В её лице всегда было что-то от человека, который привык слушать прежде, чем говорить.

— Я отвлекаю? — спросила она.

— Уже отвлекла.

— Тогда хорошо.

Он подошёл ближе. Снег садился ей на волосы и не таял сразу.

— У тебя репетиция хора, — сказал Лев.

— Отменила. Мама думает, что я у Ребекки. Папа думает, что я в библиотеке. А я решила проверить, умеешь ли ты вообще уходить с работы до темноты.

— Это провокация?

— Это эксперимент.

Лев усмехнулся. С Евой всё казалось проще, чем было на

самом деле. Она происходила из семьи, где занавески стирали по графику, книги стояли по алфавиту, а за ужином говорили тихо не потому, что нечего сказать, а потому, что считали крик формой поражения. В доме Лундов пахло корицей, стиральным порошком и старым деревом. У Льва от таких домов сводило скулы.

— Пойдём, — сказала Ева. — У меня есть час.

Они шли вниз к набережной, где пустые лодки стучали бортами о лёд у пирса. По дороге она рассказывала про школу, где подрабатывала помощницей библиотекаря, про девочку, которая украла учебник только потому, что хотела почитать что-нибудь «не из своей жизни», про отца, который снова спорил с настоятелем из-за денег на приходскую кухню.

— Он считает, что церковь должна спасать души, — сказала Ева. — А я думаю, что душе трудно спастись на пустой желудок.

— Смелая мысль для дочери дьякона.

— Я не дочь дьякона. Я дочь человека, который любит быть правым.

Она остановилась у перил и посмотрела на залив. Вода была почти чёрной.

— Лина снова не ночевала дома, — сказала она тише.

Лев повернул голову. Имя сестры всегда входило в разговор как сквозняк.

— Ты звонила ей?

— Она не отвечает, когда ей стыдно.

— А когда не стыдно?

— Тогда отвечает и врёт.

Лев не знал Лину Лунд близко, но этого и не требовалось. В маленьком городе достаточно один раз увидеть человека в три часа ночи возле клуба «Гало», чтобы понять его биографию. Лину часто видели там — яркая помада, чужая куртка, смех, за которым уже слышалась трещина.

— Ты не обязана её спасать, — сказал Лев. Ева долго молчала.

— Я знаю. Но если не я, то кто?

Лев хотел ответить, что иногда никого спасти уже нельзя. Но такие фразы хорошо звучат только у людей, которые читают трагедии, а не проживают их. Вместо этого он коснулся её руки. Ева не отдёрнула ладонь.

— Сегодня вечером приходи ко мне, — сказала она. — Мама печёт яблочный пирог. Лина всё равно не появится. Будет меньше поводов для скандала.

— Твой отец меня терпеть не может.

— Он терпеть не может неизвестность. А ты для него — неизвестность с лицом человека, который слишком много видел.

— Это комплимент?

— Для меня — да.

Она поцеловала его быстро, почти сердито, будто злилась на собственную смелость, потом развернулась и пошла вверх

по улице. Лев смотрел ей вслед и пытался не думать о том, что счастье всегда похоже на тонкий лёд: красиво, пока не вслушаешься. Когда он вернулся в мастерскую, Юрген поднял бровь.

— Ну?

— Что — ну? — Либо ты женишься на ней, либо тебя однажды закопают её родственники. И я даже не знаю, что вероятнее.

Лев взял гаечный ключ.

— Работай.

Юрген хмыкнул.

— Я-то работаю. Это ты выглядишь так, будто впервые за десять лет вспомнил, что у человека есть сердце, а не только печень и дурные воспоминания.

Лев не ответил. За воротами мастерской зажглись фонари. Снег пошёл гуще. К вечеру, когда он поднялся по улице к дому Лундов, ему показалось, что в одном из переулков мелькнула знакомая фигура в серебристой куртке — Лина, ссутулившаяся, будто пытается стать меньше. Рядом с ней шёл кто-то в тёмной парке. Они быстро скрылись за углом.

Лев остановился только на секунду. Этого оказалось достаточно, чтобы внутри шевельнулось то самое старое чувство: беда уже здесь, просто ещё не назвалась по имени.

В тот вечер Лев ужинал у Лундов впервые за две недели. Инга поставила на стол картофельную запеканку, Ева принесла чайник, Павел рассказывал что-то про новый церков-

ный сбор для моряков, а Лина опоздала на сорок минут и вошла в дом с таким лицом, будто семейный ужин был худшей из придуманных людьми форм наказания. Она была красивее сестры той заметной красотой, которую легко принимают за силу: яркие губы, резкие скулы, взгляд человека, зараннее готового смеяться над вашим осуждением. Но Лев, наблюдая за близнецами, всегда думал, что красота Евы опаснее. От неё хотелось верить, что и сам можешь стать лучше, чем был до этой встречи.

— Снова клуб? — спросил Павел, едва Лина села.

— Снова контроль? — отозвалась она.

Инга закрыла глаза, как делала всегда, когда спор между дочерью и мужем начинал повторять вчерашний, позавчерашний и все предыдущие вечера.

Ева легко коснулась руки сестры.

— Поешь сначала.

Лина стряхнула прикосновение, но не грубо. Скорее так, как люди стряхивают напоминание о том, кем могли бы быть.

После ужина Лев помогал Павлу вынести во двор мешки с песком для дорожки. Из окна кухни было видно, как на втором этаже у одной комнаты загорелся мягкий жёлтый свет, а у другой — мигающий голубой, музыкальный. Дом будто сам показывал, что под одной крышей могут жить две разные ночи.

— Вы с Евой серьёзно? — неожиданно спросил Павел, не глядя на него.

Лев сжал горловину мешка сильнее, чем нужно.

— Не знаю.

— Это честный ответ, — сказал Павел. — Нечасто его слышу.

Когда Лев уходил, Ева вышла проводить его до калитки. Снег мелко летел под фонарём.

— Завтра после хора? — спросила она.

— После хора.

Она кивнула, потом посмотрела через его плечо на тёмное окно комнаты Лины.

— Иногда мне кажется, что мы живём в одном доме только телами, — тихо сказала Ева. — Всё остальное давно распалось на разные адреса.

Лев хотел ответить, что семьи часто держатся на привычке сильнее, чем на любви. Но вместо этого притянул её к себе, коснулся лбом её виска и понял: именно этот дом и эта девушка успели дать ему опасную мысль, будто нормальная жизнь бывает не только у других.

Глава 3

Девушка из неона

Близнецы Лунд не были противоположностями с рождения. До двенадцати лет их различали только родители и учителя музыки: одна чуть быстрее схватывала интервалы, другая чуть лучше врала о том, кто разбил вазу. Всё изменилось после болезни Евы. Пневмония, больница, месяц на границе между дыханием и страхом. Когда Ева вернулась домой худой, тихой и неожиданно серьёзной, она будто решила, что жизнь выдали ей второй раз и растрачивать её на глупость нельзя. Лина, напротив, восприняла тот же месяц как доказательство: хороших не берегут, правильных не спасают, а значит, никакой высшей логики нет и надо брать всё, что ещё можно схватить.

Сначала это выглядело безобидно. Ева записалась в церковный хор. Лина проколола нос. Ева собирала пожертвования для зимнего приюта. Лина научилась пить так, чтобы отец не замечал этого до первого слова за ужином. Но чем старше они становились, тем очевиднее было: это уже не возраст, не бунт и не поиск себя. Это два способа ответить миру на один и тот же вопрос — почему выжила я?

Утром того дня Ева оставила сестре на кухонном столе за-

писку: «Я взяла твой шарф. Мой опять у тебя. Не умирай до вечера, мне нужен рецепт из твоей головы для тех смешных маринованных огурцов». Лина прочла, криво усмехнулась и сунула бумажку в карман. Именно такие мелочи и были худшей формой любви: не пафос, не слёзы, а уверенность, что завтра ты снова увидишь этого человека и успеешь договорить.

Лина Лунд ненавидела утро по той же причине, по которой другие люди ненавидят похмелье: оно не оставляло места для фантазий. В четыре утра город ещё не решил, кем будет — портом, кладбищем или декорацией к плохому сну. Лина вышла из клуба «Гало», обняв себя руками под чужой мужской курткой. Воздух обжигал лёгкие. На губах остался вкус дешёвого рома и мятной жвачки. Телефон разрядился час назад, и это было даже к лучшему. Никто не мог её найти, а значит, никто не мог спросить, зачем она снова делает всё, чтобы дома перестали произносить её имя без вздоха. Она свернула за клуб к сервисному проезду, потому что там всегда можно было поймать попутку или хотя бы выкурить сигарету без чужих глаз. Снег в этом переулке был серым от шин. Возле мусорных контейнеров стоял фургон без номеров. Рядом — двое мужчин и третий, худой, с красной сумкой через плечо. Лина узнала курьерскую сумку сразу. В таких в клубы приносили не документы. Она бы прошла мимо, если бы один из мужчин не ударил курьера в горло так коротко и буднично, словно поправил ему шарф. Тот осел на

колени. Красная сумка соскользнула на снег. Второй мужчина выругался:

— Ты идиот, он должен был назвать адрес.

— И так назовёт, — ответил первый.

Курьер захрипел, но слов уже не было.

Лина прижалась к стене. Сердце застучало так громко, что она испугалась — услышат. Мужчины спорили, не оглядываясь по сторонам. Потом один отошёл к фургону за чем-то, второй присел над телом. На секунду красная сумка осталась без внимания. Лина не думала. Думать — это роскошь трезвых. Она шагнула из тени, схватила сумку и побежала. Снег под подошвами скрипел, воздух резал горло, но страх гнал быстрее любых наркотиков. Сзади крикнули. Потом хлопнула дверь фургона. Лина свернула между гаражами, перелезла через низкий забор, порвала колготки о гвоздь и только у старой котельной позволила себе остановиться. Она открыла сумку. Внутри лежали маленькие вакуумные пакеты, перетянутые резинками. Белый порошок. Капсулы. Наличные, перехваченные бумажной лентой. И телефон без сим-карты.

— Господи, — выдохнула Лина и тут же рассмеялась коротко, хрипло. — Господи, Господи. Слово было от сестры. От Евы.

Лина сама в богов не верила — только в химические реакции, которые на время делают мир выносимым. Домой она вошла через заднюю дверь, сняла ботинки в прихожей и прокралась в свою комнату. На стене висели старые фото-

графии: две одинаковые девочки в одинаковых пальто; две школьницы с одинаковыми косами; две девочки подростка, и уже тогда было видно, что одна смотрит в объектив, а другая — в сторону выхода.

Она засунула сумку под половицу возле батареи и, всё ещё находясь в возбуждении, легла спать. Утром её разбудил стук в дверь.

— Лина? — голос матери был натянут, как проволока. — Ты дома?

— Нет, — прохрипела Лина. Снаружи повисла пауза.

— Очень смешно. Спускайся. Отец злой.

— Значит, всё как обычно.

За завтраком Павел Лунд молчал, и это было хуже крика. Ева сидела напротив, бледная, в светлом свитере, и смотрела на сестру так, будто пыталась увидеть под кожей правду.

— Где ты была? — наконец спросил отец.

— У друзей.

— Каких?

— Весёлых.

— Лина.

— Что? Ты всё равно хочешь не ответ, а повод.

Отец положил вилку. Мать закрыла глаза. Ева сказала тихо:

— На улицах сегодня нашли мёртвого парня у клуба. Ты его не знала? Лина подняла чашку к губам и почувствовала, как руки становятся чужими.

— Я много кого не знаю.

— Сёльвик маленький город, — сказал отец. — Здесь незнание редко спасает. Лина усмехнулась, хотя во рту пересохло.

— Тогда нам всем конец.

После завтрака Ева поймала её на лестнице.

— Ты врёшь хуже, чем думаешь.

— А ты судишь лучше, чем живёшь.

— Я не сужу. Я боюсь.

Лина отвернулась. Из комнаты родителей доносился приглушённый голос матери. Где-то в доме тикали часы.

— Не надо за меня бояться, — сказала она. — Это всегда выходит слишком дорого.

Но когда Ева ушла, Лина вернулась в комнату, достала из-под половицы телефон из сумки и увидела на чёрном экране тонкую царапину, похожую на застывшую молнию. Почему-то именно от неё стало по-настоящему страшно. К полудню по городу уже ходили слухи: курьер пропал, товар пропал, и те, кому он принадлежал, ищут не деньги — они ищут человека, который посмел сделать их смешными. Вечером возле дома Лундов впервые остановилась незнакомая машина.

Сумка оказалась тяжелее, чем выглядела. Лина дотащила её до подсобного хода старого бокса автомойки, который когда-то принадлежал знакомому диджею, а теперь стоял закрытым и пахнул плесенью. Внутри, под выгоревшим ре-

кламным баннером, она открыла молнию и увидела аккуратные вакуумные пакеты, наличные и телефон без пароля.

— Господи, — сказала она вслух, хотя бог в её лексиконе обычно появлялся только как междометие.

На экране телефона мигало одно и то же имя: В. Хольм. Она быстро выключила аппарат, будто прикоснулась к раскалённому железу. Потом сунула часть денег в карман, часть товара оставила, а остальное в панике перепрятала так нелепо, что позже сама не смогла бы объяснить порядок действий. Страх делает людей не осторожными, а суетливыми.

Домой она вернулась под утро. В ванной смыла макияж, но кровь под ногтём всё равно чудилась. Ева уже вставала на раннюю службу и, сонно шурясь, увидела сестру в дверях кухни.

— Ты как будто с войны, — сказала она.

— С вечеринки, — отрезала Лина.

Ева присмотрелась.

— У тебя дрожат руки.

— Это кофеиновая бедность.

Сестра не поверила, но спорить не стала. Налила чай, поставила кружку рядом и тихо сказала:

— Ты когда-нибудь устанешь делать вид, что тебя невозможно спасти?

Лина посмотрела на неё так резко, что сама испугалась своей злости.

— А ты когда-нибудь устанешь всех спасать без спроса?

Ева вздохнула.

— Я тебя не спасаю. Я просто всё ещё здесь.

Лина отвернулась, потому что именно этого не могла вынести. То, что Ева действительно была здесь: живая, тёплая, готовая простить ещё до признания. На улице у соседнего дома притормозил белый фургон. Водитель не глушил мотор почти минуту. Потом машина медленно уехала.

Лина заметила её в отражении окна и впервые за ночь поняла: история не закончилась на том складе за клубом. Она только вышла на её адрес.

Глава 4

Ошибка в темноте

В воскресенье Ева проснулась раньше будильника. Такая привычка появилась у неё после хора: она любила тот редкий час до общего пробуждения дома, когда кухня ещё холодна, в чайнике плескается тёмная вода, а будущее на сутки вперёд кажется скромной вещью — расписанием, которое можно удержать. Она испекла два яблочных пирога для церковного базара, написала Льву короткое сообщение «После репетиции освобожусь раньше, если захочешь пройтись к заливу» и долго стояла у окна, пока снег ложился на крыши так тихо, будто хотел попросить разрешения.

Лина тем утром вообще не ложилась. Вернулась под рассвет, заперлась в комнате и до семи утра сидела на полу, проверяя каждый звук во дворе. Телефон без конца вспыхивал незнакомыми номерами. Она выключила его, потом включила снова — чтобы не пропустить что-то, что могло оказаться хуже звонка. В какой-то момент она услышала под дверью шаги Евы, но притворилась спящей. Сестра постояла секунду и ушла вниз.

У Лины было достаточно времени, чтобы признаться. Павлу — до службы, матери — за кухонным столом, Льву

— прямо в лоб, потому что только у него хватило бы злости не дать ей снова отвертеться. Но признание в воображении всегда выглядит чище, чем в реальности. В реальности после него начинают болеть не только слова, но и все, кого они задевают.

Воскресенье в доме Лундов всегда пахло свечным воском, кофе и дисциплиной. Ева вернулась из церкви раньше обычного. Репетицию отменили — у органиста случился приступ, и прихожане расходились с тем особым видом растерянности, который бывает у людей, когда привычный порядок даёт сбой. На вешалке в прихожей не оказалось её тёмного пальто; вместо него висела серебристая куртка Лины.

— Чёрт, — сказала Ева.

Сестра стояла в дверях кухни, бледная после бессонной ночи, но уже накрашенная, будто собиралась на чужой праздник.

— Твоё в химчистке, — сказала она. — Возьми мою. Какая разница, всё равно темно.

— Мне не нравится ходить в том, что пахнет сигаретами и чужими духами.

— Тогда иди голой. Это хотя бы будет честно.

Ева хотела ответить резко, но в этот момент зазвонил телефон. Лев.

— Я подойду через десять минут, — сказал он. — Погуляем?

— Сейчас?

— Сейчас.

Ева посмотрела в окно. На улице уже густели синие сумерки.

— Хорошо. Я выйду.

Она надела серебристую куртку, обмотала шею серым шарфом, который делили с сестрой пополам — половина в её комнате, половина в Лилиной, как доказательство того, что когда-то они всё ещё были единым целым. На ходу бросила матери:

— Я к Льву.

— Вернись не поздно, — сказала Инга, не оборачиваясь от раковины.

— Она не вернётся поздно, — сухо сказал отец из гостиной. — У Льва небогатый выбор развлечений.

Ева не успела понять, что именно в голосе отца её задело — презрение к Льву или страх перед всем, что не укладывалось в его понятный мир.

Улица встретила её ветром. Фонари вдоль переуллка горели через один. Она увидела в конце дороги тёмную машину с работающим мотором и подумала, что это кто-то развозит детей после воскресной школы. Телефон завибрировал в кармане. Сообщение от Льва: «Задержусь на пять минут. Юрген упал в яму, смеюсь над ним». Ева улыбнулась, опустив взгляд на экран. И в этот момент дверь машины открылась. Всё произошло быстро и почти бесшумно. Чья-то ладонь легла ей на рот. Второй человек схватил под локти.

— Спокойно, Лина, — сказал низкий голос у самого уха.
— Покричишь — будет хуже.

Ева ударила каблуком назад, попала во что-то мягкое, услышала ругательство. Её потащили к машине. Телефон вылетел в снег. Она пыталась вырваться, но пальцы скользили по чужим рукавам.

— Я не Лина! — крикнула она, когда ладонь на секунду ослабла.

— Конечно, — ответил тот же голос. — Все вы сначала не Лина.

Её втокнули на заднее сиденье. Мир сузился до запаха резины, мокрой ткани и чего-то сладкого, медицинского. Кто-то сел рядом, грубо перехватил ей руки.

— Шарф тот же, куртка та же, — пробормотал водитель.
— Хольм был прав.

Машина тронулась. Через две минуты Лев свернул в переулок и увидел только телефон, лежащий в снегу экраном вниз. Он поднял его. Дисплей был разбит, но ещё светился.

— Ева? — сказал Лев в пустоту. Никто не ответил.

Он обошёл улицу дважды, потом побежал к дому. Дверь открыла Лина.

— Где Ева? — спросил Лев.

Лина нахмурилась так искренне, что он почти поверил.

— Разве она не с тобой?

В груди у него что-то медленно и тяжело опустилось вниз. Через полчаса в гостиной Лундов уже пахло валерьянкой и

страхом. Инга плакала беззвучно, прижав ладонь ко рту. Павел ходил от окна к окну, повторяя, что, возможно, дочь просто поссорилась с кем-то и ушла. Лина сидела на диване с прямой спиной, сцепив пальцы так сильно, что костяшки побелели.

— Телефон нашли у дороги, — сказал Лев. — Она бы его не бросила.

— Может, его уронили, — резко сказал Павел. — Может, ты просто не заметил, как она ушла другой дорогой.

— Павел, — тихо сказала жена.

— Что Павел? Что? Мы ещё даже не знаем, произошло ли что-то серьёзное.

Лина подняла голову.

— Серьёзное произошло уже давно, — сказала она.

Все посмотрели на неё. Она поняла, что сказала лишнее, и отвела глаза. Лев запомнил этот момент. Не слова. Пауза после них. Полицию вызвали в 20:17. Через двадцать минут приехала инспектор Сара Нюстрём — высокая женщина в тёмном пуховике, с серыми глазами и лицом, на котором не было ничего лишнего.

Она осмотрела телефон, переулок, следы шин. Потом зашла в дом и попросила всех сесть.

— Начнём сначала, — сказала Сара. — Кого могли искать возле вашего дома сегодня вечером?

Никто не ответил сразу. За окном снег ложился на подоконник тонкой белой пылью. В комнате работали часы. Ли-

на смотрела в пол. И Лев понял: беда назвала своё имя. Просто не вслух.

К сумеркам вокруг дома Лундов уже стояли три машины волонтёров, служебный автомобиль и фургон местного поискового отряда. Снег на дорожке истоптали так быстро, будто сама земля пыталась выдать хоть какой-то ответ. Инга ходила между кухней и прихожей с чашками, которые никто не допивал. Павел обзванивал знакомых, каждый раз произнося одно и то же: «Да, в серебристой куртке. Да, телефон найден. Нет, она бы не ушла просто так».

Лев взял на себя ту работу, которую в трагедии почти всегда берут молчаливые: двигать людей, задавать простые вопросы, проверять очевидное, чтобы у остальных оставалась иллюзия, будто кто-то понимает, что делать. Он ходил по соседним улицам, заглядывал под лестницы, в остановки, в пустой гараж за продуктовым. На перекрёстке нашёл только рассыпанные по снегу яблоки из пакета Евы. Одно было надкусано — не ею, а колесом.

Когда он вернулся, у ворот стояла высокая женщина в тёмной куртке и слушала рассказ соседа так, будто одновременно запоминала слова, паузы и то, чего в этом рассказе не было. Лев видел её однажды в отделении, на каком-то бумажном оформлении по мастерской. Тогда ему запомнилась не фамилия, а глаза — слишком внимательные для вежливости.

— Инспектор Сара Нюстрём, — представилась она, заме-

тив его. — Вы Лев Харин?

— Да.

— Мне сказали, вы были тем, кто должен был встретить Еву после службы.

Он кивнул.

— Тогда с вас и начнём, — сказала Сара.

В её голосе не было сочувствия. Только работа. И именно это странным образом действовало успокаивающе. В беде люди тянутся к тем, кто не обещает невозможного.

Глава 5

То, что не говорят

Сара Нюстрём не любила исчезновения именно потому, что в них слишком быстро начинали жить версии. Если есть тело — у людей хотя бы остаётся граница. Если тела нет, граница расплывается: «ушла сама», «передумала», «уехала», «загуляла», «поссорилась», «найдётся». Исчезновение — любимая форма общественного самообмана.

В ночь перед первым допросом она спала полтора часа. Остальное время сидела на кухне своей съёмной квартиры над отделением связи, пила холодный кофе и перебирала фотографии с камер у церкви. На холодильнике магнитом был прижат список покупок и старая записка от покойного отца: «Не путай упрямство с принципами». Отец сам много лет прослужил в полиции и оставил после себя ровно две вещи, которые Сара до сих пор считала полезными: привычку перепроверять мелочи и почти патологическое презрение к красивым объяснениям.

Когда в пять утра позвонил дежурный и сказал, что мать пропавшей девушки — жена местного пастора, Сара только выдохнула сквозь зубы. Такие дела всегда пахнут не только бедой, но и общественным спектаклем. Город вроде Сёльви-

ка любит считать себя маленьким и честным, а потом в панике обнаруживает, что зло давно арендует здесь помещение.

Она заехала домой лишь затем, чтобы сменить мокрую куртку и покормить кота по кличке Январь — серое, недоверчивое создание, которое терпело её существование с той же неохотой, с какой Сара терпела собственную усталость. Перед выходом она на секунду задержалась у шкафа, где стояла жестяная коробка с отцовскими бумагами. Коробку она не открывала с похорон. Некоторые долги удобнее хранить запечатанными.

Сара Нюстрём не верила в семейные тайны. Она верила в их цену.

В отделении было тепло и душно, как в любом месте, где люди много часов сидят под искусственным светом и делают вид, что жизнь поддаётся сортировке по папкам. На стене висела карта Сёльвика с цветными метками: кражи, драки, домашнее насилие, передозировки, два исчезновения за прошлый год, одно — до сих пор без тела. Сара положила перед собой блокнот и включила диктофон.

— Ева Лунд, двадцать один год. Последний раз видели возле дома в 19:42. Найден телефон. Следы двух, возможно, трёх человек. Машина среднего класса, шины зимние, изношены с внутренней стороны. — Она подняла взгляд на Льва. — Вы были первым на месте.

— Да.

— Почему пришли именно в это время?

— Договорились встретиться.

— Как давно вы знакомы?

— Восемь месяцев.

— Её семья одобряла отношения?

Лев чуть усмехнулся.

— Это вопрос как к свидетелю или как к человеку, который выглядит подозрительно?

Сара не улыбнулась.

— Здесь это одно и то же.

Он выдержал её взгляд.

— Её мать — да. Отец — нет.

— Причина?

— Думает, что люди вроде меня приносят в дом грязь.

Сара что-то записала.

— Люди вроде вас?

— С прошлым.

Она не стала спрашивать сразу. Умные следователи знают: признание охотнее идёт к тому, кто не тянет за него слишком резко. После Льва она опросила Павла и Ингу Лунд. Мать плакала, отец держался так прямо, словно надеялся осанкой удержать мир от распада. Самой интересной была Лина. Сара попросила её остаться напоследок. Когда дверь закрылась, Лина закурила бы, если бы это было допустимо. Вместо этого она начала вертеть кольцо на среднем пальце.

— Вы нервничаете, — сказала Сара.

— У меня сестра пропала. Какая неожиданность.

— Мне сегодня с утра сообщили о мёртвом курьере возле клуба «Гало». Вы что-нибудь знаете об этом?

Пальцы Лины на секунду замерли.

— Я хожу в клубы. Это ещё не делает меня свидетелем каждого трупа.

— Может, свидетелем не делает. Но человеком, который знает, с кем связался не тот человек, — вполне.

Лина посмотрела на неё с внезапной яростью.

— Вы пришли искать Еву или судить меня?

— Обычно одно приводит к другому.

Наступила долгая пауза. За стеклом кабинета прошёл дежурный с папкой. Свет мигнул и выровнялся.

— Ваша сестра чем-то напугана? — спросила Сара мягче.

Лина сглотнула.

— Ева? Нет. Она... была из тех, кто верит, что с людьми можно договориться.

— А вы?

Лина усмехнулась без веселья.

— А я верю, что люди сначала делают больно, а потом называют это необходимостью.

Сара закрыла блокнот.

— Если вы что-то скрываете, каждый потерянный час работает против Евы.

— А если я ничего не скрываю?

— Тогда вы просто очень похожи на тех, кто скрывает

слишком много.

Когда Лина ушла, Сара осталась одна и стала просматривать сводку по утреннему убийству. Мужчина, около двадцати пяти. При нём не нашли документов. Камеры клуба дали только смазанный силуэт девушки в серебристой куртке, которая выбежала через задний выход за несколько минут до того, как во двор въехал фургон. Сара увеличила кадр.

Лицо было не разобрать. Но куртка бросалась в глаза.

Она достала телефон и набрала криминалиста.

— Сверьте волокна с места исчезновения Лунд и записи у «Гало». И проверьте, нет ли связи между убитым курьером и группой Виктора Хольма.

— Хольм? — голос на том конце устало хмыкнул. — Он же давно чистый. Бары, автомойка, фонд помощи молодёжи. Святой человек.

— Святой человек не заставляет свидетелей исчезать в воскресенье вечером.

— У вас есть что-то, кроме интуиции?

Сара посмотрела на карту города. Красные метки иногда складывались в узоры, похожие на болезнь.

— Пока нет. Но у меня есть семья, в которой один человек молчит не от шока, а от вины.

После работы она заехала к морю. Ветер бил в лицо, снег летел горизонтально, залив гудел под льдом. Сара курила, пряча огонёк ладонью, и думала о двух девушках с одина-

ковым лицом. Иногда расследование начинается не с улик. Иногда — с неправильного взгляда в нужный момент. Лина Лунд сегодня смотрела так, будто каждое слово, которое она не произнесла, уже стоит кому-то жизни.

Она вернулась в кабинет, сняла мокрый шарф и ещё раз разложила на столе всю картину: маршрут Евы, найденный телефон, белый фургон, нервный взгляд Лины, слишком собранное лицо Льва. Не влюблённый парень, не образцовая семья, не пропавшая прихожанка. Слишком много разрозненных напряжений для одной простой истории.

Она подняла архив по последним передозировкам в Сёльвике, потом — по незаконным перевозкам через порт. Имя Виктора Хольма всплыло не напрямую, а через фонд, склад, компанию-прокладку и двух курьеров с одинаково забывчивыми адвокатами. Ничего такого, что можно принести прокурору и потребовать ордер. Зато достаточно, чтобы внутренний холод у неё под рёбрами сменил форму.

Перед самым рассветом Сара вышла покурить на служебную лестницу, хотя бросила ещё в двадцать семь. Иногда привычки возвращаются не за никотином, а за ритуалом. Внизу на парковке стоял Лев Харин. Он не заметил её. Сидел в машине с выключенным двигателем, уткнувшись лбом в руль, как человек, которому надо либо заплакать, либо ударить что-нибудь тяжёлое, но времени нет ни на то, ни на другое.

Сара не окликнула его. Только смотрела сверху и дума-

ла о странном чувстве, которое редко допускала в работу: о предчувствии, что этот парень не просто рядом с делом. Он уже идёт внутрь него, и, если не успеть, обратно его никто не вытащит.

Глава 6

Лев

Лев никогда не рассказывал Еве всей правды о своём детстве. Не потому, что не доверял. Доверие здесь было ни при чём. Просто некоторые истории похожи на грязную воду в колодце: стоит начать вытаскивать — и мутнеет всё, чем ты привык утолять жажду. Ева знала об умершей матери, о приюте, о том, что у него бывают ночи без сна и дни, когда он вздрагивает от слишком резкого смеха за спиной. Но она не знала, как пахнет квартира, в которой ребёнок учится различать опасность по шагам в коридоре. Не знала, что каждую весну он всё ещё слышит в снах стекло, хотя бутылка разбилась десять лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.